

Дементьева В.В. 2009: Функции квесторов архаического Рима
в сфере уголовного судопроизводства
// Из истории античного общества: сб. науч. тр. Вып. 12.
/ А.В. Махлаюк (отв. ред.). Нижний Новгород, 187-202.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com

<http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский и
образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation
“The Centre for Roman Law Studies”
Yaroslavl branch

В.В. Дементьева

ФУНКЦИИ КВЕСТОРОВ АРХАИЧЕСКОГО РИМА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вопрос о функциях римских квесторов архаического времени в сфере уголовного судопроизводства нуждается в специальном рассмотрении по ряду причин: во-первых, это необходимо для изучения ранних форм уголовного процесса в Риме, во-вторых, для исследования проблемы происхождения республиканской магистратуры квесторов (и соответственно ее эволюции).

Античная традиция называет квесторов, участвовавших в судебном преследовании римских граждан, либо просто *quaestores*, либо *quaestores parricidii*. Мы абстрагируемся сейчас от вопроса о времени возникновения паррицидных квесторов и «квесторов вообще», ибо это предмет отдельного анализа; отметим только, что древние авторы связывают их возникновение либо с царской эпохой, либо с ранней Республикой, но в любом случае помещают в пределах римской архаики.

Понятие *quaestores parricidii* применительно к квестором раннего времени используют, в первую очередь, Помпоний (*D. I. 2. 2. 23*) и Фест (*P. 247. 19 L*), а также вторичным образом Иоанн Лид (*De mag. 1. 26*, в транскрипции на греческий язык: κωαίστωρες παρρικιδίου). Д. Клауд, проведя анализ данного пассажа Иоанна Лиды, пришел к выводу, что это перевод не Помпония, как ранее полагали исследователи, а юриста Гая¹. Эти античные авторы, приводя такое обозначение должности, указывают уже самим названием должностных лиц на выполнение ими функций в судебно-следственной сфере. Другие древние авторы не дают при упоминании о квесторах определения *parricidii*, но связывают их изначальную деятельность именно с этой сферой (Ульпиан в *D. I. 13. 1. 1–4*). Третьи античные писатели, также не давая указанного определения, приводят информацию о разнообразных функциях квесторов архаического Рима, в числе которых называют и их компетенцию в уголовном судопроизводстве: Варрон (*LL. V. 81; 90–92*), Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom. VIII. 77. 2–78. 5*) Цицерон (*Resp. II. 60*), Тит Ливий (*II. 41. 11; III. 24. 3–7*), Плиний Старший (*NH. XXXIV. 13*).

¹ *Cloud J.D. Parricidium: from the lex Numae to the lex Pompeia de parricidiis // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 1971. Bd 88. P. 19–24.*

Т. Моммзен понимал квестуру как магистратуру с широкой компетенцией, изначально соединявшую функции и в финансовой сфере, и в области уголовного судопроизводства. Он считал, что *quaestores parri-
cidii* – это название квесторов при выполнении ими уголовно-правовых функций², но всячески подчеркивал идентичность уголовных и финансовых квесторов. Точка зрения Моммзена была воспринята – с теми или иными вариациями – и многими другими исследователями, в том числе такими видными антиковедами, как Г. Де Санктис, П. Де Франчиши, Г. Зибер, Ф. Де Мартино³.

Э. Херцог усматривал функции паррицидных квесторов в преследовании за неполитические уголовные преступления, которые охватывались понятием *parricidium* и преследовались по обычному или позитивному праву⁴. С законом Валерия о провокации квесторы, по его мнению, стали поддерживать обвинение перед народом и выносить приговор. Э. Херцог, как и Т. Моммзен, считал паррицидных квесторов идентичными эрарным, но компетенция их как казначеев, на его взгляд, могла возникнуть только после I Пунической войны. До процессов в *quaestio*, замечал Э. Херцог, не было никаких других постоянных органов власти в сфере уголовного процесса, и потому остается неясным, как криминальный суд в римском государстве, с которым в примитивное время была связана должность казначея, мог, оставаясь в этой связке, играть такую ограниченную роль. Однако нет никаких других объяснений этого, подчеркивал Херцог, кроме того, что это неполитический процесс⁵.

Разделял в принципиальном плане подход Моммзена к данному вопросу Б. Кюблер⁶. Он, однако, как и Э. Херцог, считал, что первоначальной целью деятельности квесторов было проведение расследования сложных преступлений, и такие квесторы назывались *quaestores parri-
cidii*, затем уже квесторы получили в управление казну.

² *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Leipzig, 1952. Bd 2. Abt. 1. S. 525–527.

³ *De Sanctis G.* Storia dei Romani. Vol. 2. Firenze, 1964. P. 405–406; *De Francisci P.* Primordia civitatis. Roma, 1959. P. 618–619; *Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952. S. 95–97; *De Martino F.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958 (1972). P. 231–233.

⁴ *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd 1. Abt. 2. Leipzig, 1965. S. 78, 815–816.

⁵ *Ibid.* S. 816–817.

⁶ *Kübler B.* Geschichte des römischen Rechts. 2. Aufl. Darmstadt, 1979. S. 97–99.

О. Карлова полагал, что *quaestores parricidii* действовали как помощники царей в следствии по делам об убийствах, затем они трансформировались в государственный орган с измененными функциями. Когда это произошло, определение при названии их должности, выраженное родительным падежом (*parricidii*), было опущено⁷.

В. Кункель, проводя (вслед за К. Латте и К. фон Фрицем⁸) резкое различие между паррицидными и эрарными квесторами, подчеркивал, что первые имели лишь судебные функции; он прослеживал связь между *quaestores parricidii* и *quaesitores* поздней Республики и даже уподоблял паррицидную квестуру позднереспубликанской *quaestio*⁹. В том же русле рассуждений Э. Мейер считал, что паррицидные квесторы не были государственной должностью, но являлись судебной коллегией по делам об убийствах, проводившей такой процесс в тех же формах, как гражданский процесс¹⁰.

Другие трактовки судебно-следственной компетенции квесторов, а также выводы названных авторов расширенным и конкретизированным образом мы будем приводить параллельно представлению конкретных свидетельств источников.

Согласно сообщению Феста (Р. 247.19–24 L)¹¹, паррицидные квесторы рассматривали уголовные дела, а паррицидой называли убийцу не только отца, но и любого другого гражданина. При этом Фест ссылается на закон Нумы Помпилия, приравнявшего убийцу гражданина к отцеубийце. В связи с приведенной информацией Феста возникает несколько существенных вопросов. Каков смысл данного закона Нумы? Можно

⁷ *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Bd 1. Leipzig, 1885. S. 257.

⁸ *Latte K.* The Origin of the Roman Quaestorship // TAPhA. 1936. Vol. 67. P. 24–33; *Фриц К., фон.* Теория смешанной конституции в античности: Критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007. С. 398–399.

⁹ *Kunkel W.* Untersuchungen zur Entwicklung der römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962. S. 37–45.

¹⁰ *Meyer E.* Römische Staat und Staatsgedanke. Zürich–München, 1975. S. 38–39.

¹¹ *Parrici<dii> quaestores appellabantur, qui solebant creari causa rerum capitalium quaerendarum. nam paricida non utique is qui parentem occidisset, dicebatur, sed qualemcumque hominem indemnatum. ita fuisse indicat lex Numae Pompili his composita verbis: si qui hominem liberum dolo sciens morti duit, paricidas esto.* «Паррицидными квесторами назывались те, что обычно выбирались для рассмотрения уголовных дел. Ибо паррицидой назывался тот, который убил не только отца, но и любого, не осужденного судом человека. Что это было так, свидетельствует закон царя Нумы Помпилия, составленный в таких выражениях: (12) “Если кто намерен по злому умыслу предать смерти свободного человека, да будет паррицидой”». Пер. А.А. Павлова.

ли считать публичным актом преследование за убийство в период римской архаики?

К. Латте сделал следующее наблюдение: понятие «паррицида» относится к убийству свободного человека, и закон Нумы – попытка ограничить понятие убийства преднамеренным убийством. Если человек убивал другого случайно, то по закону Нумы должен был дать на общественном собрании родственнику убитого голову барана. Убийца все еще имел дело с семьей убитого, а не с властями государства. Общественная встреча нужна была для того, чтобы дать гласность этому соглашению. Вмешательству государственных служащих подлежал только вопрос, был ли *parricidium* вообще, т. е. было ли данное убийство преднамеренным актом. Для этого и были назначены *quaestores parricidii*, и значение слова, кажется, как писал Латте, подтверждает это представление. Таким образом, отмечал он, мы избавляемся от аномалии общественного судебного преследования убийства в столь раннем периоде¹².

В. Кункель утверждал, что следует исходить из того, что все уголовное право и уголовный процесс времени Законов XII таблиц – за исключением только процесса *perduellio* и тяжелых сакральных деликтов – покоились на принципе частного возмездия и частного судебного преследования¹³. Государству принадлежала в этой системе только функция заботы о том, чтобы им установленные нормы и ответственность возмездия соблюдались, иными словами – судебная функция. В этой области, считал В. Кункель, мы и должны искать *quaestores parricidii*. Или они сами образовывали суд, – писал он, – или они возглавляли суд. Будучи судьями в процессе частного обвинения, паррицидные квесторы, по его мнению, объясняли семье предоставленное ей право частного возмездия, в то время пока оно действовало.

Д. Клауд полагает, что цель закона Нумы состояла в том, чтобы уподобить убийцу римского гражданина убийце родственника в целях регулирования или отмены семейной кровной мести, этот закон – добавление к категории убийц тех, кто убивает гражданина с преднамеренным преступным намерением¹⁴. *Quaestores parricidii*, несмотря на название, имели областью деятельности не отцеубийство, но убийство или, более неопределенно, преступления, наказуемые смертной казнью¹⁵. Вместе с тем, Клауд обращает внимание на то, что исследование

¹² Latte K. Op. cit. P. 24–25.

¹³ Kunkel W. Untersuchungen... S. 43.

¹⁴ Cloud J.D. Parricidium... P. 3,4,12.

¹⁵ Claud D. Motivation in Ancient Accounts of the Early History of the Quaestorship and its Consequences for Modern Historiography // Chiron. 2003. Bd 33. P. 108.

Й. Томаса¹⁶ показало, что в лингвистических данных нет ничего для предположения, что в раннем латинском языке *parricidium* когда-либо означал что-либо еще, кроме «отцеубийства», «убийства отца» или, возможно, «родительское убийство». По мысли Клауда, должно быть сделано предположение, включающее две позиции: 1. *Parricidium* должен означать не только убийство родителя или, возможно, родственника, но убийство любого гражданина. 2. *Parricidium*, приобретя значение «убийство гражданина», получает еще одно значение – «серьезное правонарушение»¹⁷. Анализируя антикварные сообщения, Клауд отмечает, что при случайном убийстве преступник должен был передать барана самым близким родственникам убитого, чтобы барана пожертвовали вместо преступника, т. е. барана передавали не в форме финансовой компенсации, а в качестве «заместителя» преступника.

Помпоний (*D. I. 2. 2. 22–23*)¹⁸ свидетельствует, что паррицидные квесторы ведали тяжкими уголовными делами (*propterea quaestores constituebantur a populo, qui capitalibus rebus: hi appellabantur quaestores parricidii*), что можно понимать, вместе со свидетельством Феста, и как дела о любых убийствах, и как все дела, за которые карой была смертная казнь. Поэтому Клауд обоснованно заостряет внимание на двух вопросах¹⁹: 1. Была ли у паррицидных квесторов какая-либо функция относительно иных форм убийства, кроме отцеубийства? 2. Была ли у них иная функция относительно других преступлений, кроме убийства?

На первый вопрос, полагает Клауд, можно дать немного более уверенный ответ. Если закон Нумы является подлинным, если *parricidas* – архаическая форма *parricida*, то паррицидные квесторы действительно обращались со всеми случаями незаконного убийства римского гражданина. В законе сказано: впредь тот, кто убивает с преступным намерением свободного человека, будет рассматриваться как отцеубийца. Если Фест правильно соединяет закон с паррицидными квесторами, то закон влечет расширение их роли. Но закон Нумы не подкрепляет трактовки, что паррицидные квесторы занимались любыми тяжкими преступлениями: они имели именно с убийцами, а не с преступниками – субъектами всех других преступлений, наказуемых смертной казнью. Поэтому определенный ответ на второй вопрос дать, как считает Клауд, сложнее.

¹⁶ Tomas Y. *Parricidium* // MEFRA. 1981. Vol. 93. P. 643–715.

¹⁷ Ibid. 111–112.

¹⁸ Подробный источниковедческий анализ данного фрагмента см.: Garofalo L. La competenza giudiziaria dei «questores» e Pomp. D. 1.2.2.16 e 23 // *Studia et documenta historiae et iuris*. 1985. Vol. 51. P. 409–423.

¹⁹ *Claud D. Motivation...* P. 116–118.

Согласимся, что обсуждаемый закон Нумы установил ответственность за преднамеренное убийство римлянина, при этом человек, совершивший такое преступление, приравнивался к отцеубийце. Позиция Латте, подкрепленная Клаудом, представляется нам убедительной.

Но у нас остается вопрос, можно ли считать публичным актом преследование за убийство в период римской архаики? Было ли аномалией судебное преследование за убийство со стороны государства во время ранней Республики? Иначе говоря, можно ли поддержать мнение В. Кункеля, что уголовные квесторы – судьи в частном процессе? Учитывая, что в античной традиции «сами слова», которые используют древние авторы, «взяты из языка, применяемого в отношении председательствующего судьи»²⁰, некоторые основания для такого мнения имеются. Но, как отмечал Клауд, ассоциации в Поздней республике *quaestio* и *quaesitor* (в смысле председатель суда) дали основу для утверждений антикваров, что был период, когда квесторы возглавляли суды, имевшие дело с серьезными правонарушениями. Поэтому такая трактовка деятельности паррицидных квесторов, на взгляд британского антиковеда, имеет «небольшую ценность или никакой ценности». Однако полный скептицизм в вопросе о паррицидных квесторах, как тут же подчеркивает Клауд, неуместен, ибо название их явно не продукт поздних интеллектуальных догадок. Эти рассуждения представляются нам верными. Но это пока только «негативный» аргумент, ослабляющий позицию Кункеля, но не создающий опору для концепции об участии квесторов в публичном уголовном преследовании убийц.

Обоснованием этого, на наш взгляд, является связь функций ранних квесторов с законом о провокации, которую доносят до нас античные свидетельства, и с куриатным законом об империи, о чем также мы имеем вполне определенные сведения древних писателей. Помпоний четко называет причиной введения должности уголовных квесторов действие закона о провокации к народному собранию в отношении решений о жизни и смерти граждан. То, что Помпоний связывает этот закон с консулами, ничему не противоречит. Современные исследователи (С. Тондо, Б. Санталючия, Л.Л. Кофанов и др.) считают, что провокация появилась еще в царскую эпоху, а закон Валерия начала Республики установил право обращения к народу в отношении решений республиканского носителя империя. Не в явной причинно-следственной связи, но в одном фрагменте и в единой логике сообщают о законе Валерия Попликолы о провокации и о введении квестуры Плутарх (*Pop.* 12) и Иоанн Зонара (VII. 13. 3). Иоанн Лид (*De*

²⁰ *Claud D. Motivation...* P. 111.

mag. 1. 26)²¹ пишет о паррицидных квесторах как о судьях убийц граждан, со всей очевидностью увязывая их деятельность с применением закона о провокации.

Обратим внимание также на то, что Законы XII таблиц одновременно упоминали уголовных квесторов (*D. I. 2. 2. 23*) и запрещали приговаривать к смерти римского гражданина иначе, как в «величайших (центуриатных) комициях» (*Cic. Leg. III. 19. 44*). Следовательно, уголовное судопроизводство, основанное на праве провокации, и констатация уголовно-правовой деятельности квесторов были зафиксированы в одной IX таблице децемвирального законодательства.

Отмеченная традицией связь ранней квестуры с *lex de provocatione* позволяет нам считать более надежно аргументированным подход Т. Моммзена, который рассматривал функции квесторов в римском уголовном процессе в единстве с его пониманием данного судопроизводства как магистратско-комициального. Не поддерживая взгляда выдающегося немецкого романиста в отношении тождества уголовных и эзрарных квесторов, мы в данном случае считаем, что он был прав в том, что квесторы – участники магистратско-комициального преследования преступника. Теория римского уголовного процесса, предложенная Моммзеном, была прямо связана с его теорией полифункционального империя²². Именно отрицание этой теории и заставило В. Кункеля рассматривать функции квесторов как осуществлявшиеся в уголовном процессе частного преследования.

Тацит (*Ann.* XI. 22) указывал, что о квесторах говорилось в куриатном законе об империи, который принимался в отношении царей, а Луций Брут при установлении республики подтвердил его необходимость для консулов. Л. Ланге полагал, – и, на наш взгляд, справедливо, – что в куриатном законе, о котором упоминает Тацит, речь шла о том, что *lex curiata de imperio* охватывал квесторов в том же смысле, что и ликторов²³. Другими словами, квесторы выступали помощниками держателей империя при реализации его в судебной сфере. Т. Моммзен отмечал, что магистратская *coercitio*, которая неотъемлемо принадлежала высшим магистратам с империем, отсутствовала у квесторов, но квесторы вышли из криминальной юстиции; от этих дел они получили свое название. *Quaerere* в государственно-правовой области не имеет другого тех-

²¹ ἐπειδὴ δὲ περὶ κεφαλικῆς τιμωρίας οὐκ ἔξην τοῖς ἀρχουσι κατὰ Ῥωμαίου πολίτου ψηφίσασθαι, προεβλήθησαν καιάιστωρες παρρικιδίου, ὡς ἂν εἰ κριταὶ καὶ δικασταὶ τῶν πολιτῶν ἀνελότων.

²² См. об этой теории: Дементьева В.В. Магистратская власть Римской Республики: содержание понятия imperium // ВДИ. 2005. № 4. С. 46–75.

²³ Lange L. *Römische Alterthümer*. 3. Aufl. Bd I. В., 1876. S. 387.

нического значения, кроме как судебного, особенно уголовного, расследования²⁴.

Поддержав понимание функций квесторов раннего времени в рамках магистратско-комициального процесса и установив, что объектом их полномочий были такие преступления, как убийства, мы должны попытаться выяснить, в чем именно их функции состояли, т. е. какова была непосредственная компетенция данных должностных лиц.

Ульпиан (*D. I. 13. 1. 1–4*) со ссылкой на Юния, Требация и Фенестеллу сообщает, что квесторы с самого начала назывались так по способу расследования (*quaerendi*), указывая тем самым на проведение квесторами следствия. Л. Ланге считал, что в царское время квесторы ничего другого не делали, кроме как разыскивали подозреваемых в преступлении и добивались того, чтобы те представляли перед судом царя. Мнение А. Цумпта, что они в качестве представителей царя сами выносили приговор²⁵, Ланге не поддерживал²⁶.

Согласно Моммзену²⁷, квесторы (а у него они действовали начиная с Республики) осуществляли уголовное обвинение, созывали центурии в ходе реализации гражданином права провокации. Это была, на его взгляд, их главная задача. Речь у Моммзена идет не о собственном праве квестора, а о данном ему мандате высшего магистрата, о делегировании полномочий. Если не было носителя империя в городе, его юдикация в уголовных делах передавалась квестору. Объем компетенции квесторов Моммзен определял как участие вообще в решении уголовных дел, и они только там действовали, где была дозволена провокация, т. е. только при уголовном обвинении в тяжком преступлении. Представление о том, что квесторы по древнему праву были уполномочены выносить приговоры о незначительных штрафах, могли вести уголовные процессы, которые не вели к смертной казни, Моммзен считал сомнительным; он писал, что нельзя этот вопрос решить с уверенностью, но, вероятно, следует отрицать такую компетенцию квесторов, поскольку им была предписана юрисдикция именно в связи с правом провокации. Он допускал, что, возможно, квесторская юдикация могла распространяться и на преступления, за которые полагался максимальный денежный штраф, а не только смертная казнь. В целом же ученый полагал, что квесторские полномочия охватывали всю область именно публичного уголовного права, за исключением процесса *perduellio*.

²⁴ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 537.

²⁵ Zumpt A. W. *Das Criminalrecht der römischen Republik*. Bd 1. Abt. 1. B., 1865. S. 52 f. Работа осталась нам недоступной.

²⁶ Lange L. *Op. cit.* S. 386.

²⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 539–541.

И здесь мы подходим к еще одному вопросу, который дискутировался в историографии, – о соотношении *quaestores parricidii* и *duumviri (duoviri) perduellionis*. *Duumviri perduellionis* в качестве должностных лиц, призванных осуществлять юрисдикцию при судебном преследовании враждебной государству деятельности (преступлений против государства), зафиксированы у Ливия (I. 26. 6–7) как введенные Туллом Гостилием, затем упомянуты римским историком в 384 г. до н. э. в связи с судом над Марком Манлием Капитолийским (VI. 20. 12). В 63 г. до н. э. в речи в защиту Гая Рабирия о них говорил Цицерон (*Pro Rab. perd.* 12).

Т. Моммзен так определял соотношение функций паррицидных квесторов и дуумвиров: вероятно, с введением республики криминальная юрисдикция была разделена таким образом, что постоянным квесторам подлежали только общие преступления, а собственно политические были в ведении от случая к случаю вводимых дуумвиров²⁸. Контраргументом – весьма существенным – такому подходу является пример, в котором квесторы преследовали Кассия именно за *perduellio* (Liv. II. 41. 11)²⁹.

Гипотеза, исключая такое противоречие исторической реконструкции с показаниями источников, была предложена Б. Санталючией³⁰. В его реконструкции квесторы Ранней Республики расследовали все преступления, включая *perduellio*. Но, кроме квесторов, в тех случаях, когда государственная измена была явной, могли назначаться экстраординарные судьи, которые в краткие сроки вели дело, – *duumviri*. Санталючия дал следующее объяснение соотношения функций между ранними квесторами и *duumviri perduellionis*. Традиция свидетельствует, что *quaestores parricidii* и *duumviri perduellionis* были помощниками царя в судебном преследовании преступников. Функция *quaestores parricidii* состояла, на взгляд итальянского исследователя, в том, чтобы определить, было ли убийство, было ли оно преднамеренным, а также в том, чтобы запустить механизм кровной мести в присутствии народа на *contio*. Вторые, *duumviri perduellionis*, составляли экстраординарный трибунал, которому поручалась задача оглашения ответственности за совершенное действие и незамедлительное уголовное наказание лица, обвиненного в *perduellio* и пойманного на месте преступления.

²⁸ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 542.

²⁹ inuenio apud quosdam, idque propius fidem est, a quaestoribus Caesone Fabio et L. Ualerio diem dictam perduellionis, damnatumque populi iudicio, dirutas publice acdes.

³⁰ Santalucia B. Diritto e processo penale nell'antica Roma. Ed. 2. Milano, 1998. P. 21–22, 51.

Мы не видим принципиальных возражений против того, что паррицидные квесторы, как и дуумвиры по преступлениям против государства, могли участвовать в расследовании *perduellio*, а *duumviri perduellionis* использовались в тех случаях, когда преступление было очевидным (преступник был схвачен в момент его совершения). Но мы не можем согласиться с тем, что, как следует из рассуждений Санталючии, и квесторы, и дуумвиры были самодостаточными судьями, которые могли принимать окончательное решение по столь серьезному поводу без участия комиций. Материал источников о наличии права провокации в архаическом Риме вступает в противоречие с такой точкой зрения. Иными словами, не оспаривая вывода Б. Санталючии об участии квесторов в делах по преследованию государственных преступников, мы не можем согласиться с рассмотрением их деятельности вне магистратско-комициального процесса. Учитывая, что даже В. Кункель (самый последовательный противник теории магистратско-комициального процесса) считал, что процесс *perduellio* был публичным, а не частным, признание возможности участия в нем квесторов, опирающееся на нарративные источники, только подкрепляет данную теорию Моммзена, хотя и противоречит его пониманию определенных функций данных должностных лиц.

Признание или отрицание публично-правового характера уголовного процесса в архаическом Риме неизбежно отражается на представлениях исследователей о конкретных функциях квесторов, о том, как именно они были вовлечены в судебное разбирательство. Предположение Б. Санталючии, что они должны были отрегулировать вендетту (кровную месть) между двумя семьями, было воспринято Клаудом³¹. Но Клауд задавался вопросами, что конкретно имело место: суд над преступником, объявление о невиновности или вине подозреваемого и передача виновной стороны родственникам по мужской линии? Объявление о наличии достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела против подозреваемого, которое проходило до судебного процесса против него перед судьей или судьями? Последнее и казалось Клауду самым вероятным. Нам же представляется, что обвинение, которое, видимо, и осуществлял квестор, наиболее естественным, непротиворечивым образом вписывается в магистратско-комициальный публичный процесс.

Раздвинуть горизонты наших представлений о том, чем могли заниматься квесторы – кроме приоритетных функций следствия и обвинения

³¹ *Claud D.* Motivation... P. 118.

– косвенным образом помогает Варрон, который сообщает (*LL. V. 81*)³², что квесторы, получившие название от *quaerere* – «искать», разыскивали злодеяния, которые в его время разыскивают *triumviri capitales*. Таким образом, Варрон связывает с квесторами (без уточнения названия) функции уголовных следователей. Аналогия (без компетенцией уголовных триумвиров, приведенная Варроном, заставляет перечислить функции последних. *Tres viri capitales* – это низшие магистраты, они входили в вигинтисеквират, действовали с III в. до н. э. Уголовные триумвиры проводили предварительное следствие, надзирали за тюрьмами, исполнением приговоров, следили за целостью оков, наложенных на виновных, совершали смертную казнь. Кроме того, *tres viri capitales* назначали предварительное заключение, имели ночной полицейский надзор в городе. Они могли также подвергать наказанию граждан за сакральные преступления – отречение от традиционных римских религиозных обрядов, поклонение чужеземным богам (*Cic. Leg. III. 6; Sall. Cat. 30. 7; 55. 1; Liv. XXXIX. 14. 10; 16. 12*). Возможно, какой-то набор этих функций квесторы как предшественники, согласно Варрону, уголовных триумвиров в главных моментах также выполняли.

Наиболее подробно можно выявить содержание функций квесторов в уголовно-правовой сфере на конкретных примерах их деятельности, отраженной нарративной традицией. В этих примерах квесторы действуют в период ранней Республики и называются просто *quaestores*. Первый сюжет античной традиции этого плана – обвинение Спурия Кассия (486 г. до н. э.). Непосредственное участие квесторов в этом деле фиксируют Ливий (II. 41. 11), Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom. VII. 77. 2–5*) и Цицерон (*Resp. II. 60*). Ливий и Дионисий называют квесторов в данном эпизоде по именам (Луций Валерий Попликола и Цезон Фабий); в описании этих античных историков в процессе над Спурием Кассием участвуют два квестора, у Цицерона – один, причем безымянный. Эти свидетельства античных авторов показывают, что квесторы привлекли Кассия к суду по обвинению в преступлении против государства, а именно: они обвинили его, созвали народ и привлекли к суду перед народом, а также обрекли его, с согласия народа, на смерть (непосредственно приговор, по Ливию, вынес цард).

Возникает вопрос: какое судебное собрание народа созвали квесторы? Дионисий пишет об экклесии, но греческие авторы этим термином применительно к Риму могли назвать любое собрание. Однако мог ли квестор как магистрат без империя созывать комиции? Разобраться в

³² *quaestores a qu<a>erendo, qui conquirerent publicas pecunias et maleficia, quae triumviri capitales nunc conquirunt; ab his postea qui quaestionum iudicia exercent quaes<i>tores dicti.*

этом вопросе помогает Варрон (*LL. VI. 90–91*)³³. Совершенно очевидно, что Варрон говорит о созыве квестором сходки (*contio*). Один раз в его пассаже употреблено слово *comitia*, но без определения, какие именно (центуриатные, трибутные), что означает использование данного слова в собирательном значении – просто «собрания народа». Судебные *contiones* обычно предшествовали комициям и плавно в них переходили (были разделены по времени, но не по месту); на конциях обсуждали, на комициях принимали решения. «Совокупность *contio* и *comitia* в данном случае как раз и образует “логически цельный” институт *iudicia publica*»³⁴. Указание Варрона на то, что вызывал ответчика не квестор, а претор, подтверждает норму: *ius vocationis* было составной частью *iusdictio* магистратов с империем.

Если Т. Моммзен полагал, что, созывая народ, квестор опирался на мандат, полученный от консула, то мы считаем, что делегирования империя в данном случае не требовалось. Процедура обсуждения и приня-

³³ *circum muros mitti solitus quo modo inliceret populum in eum <locum>, unde vocare posset ad contionem, non solum ad consules et censores, sed etiam qu<a>estores, commentarium indicat vetus anquisitionis M. Sergii, Mani filii, qu<a>estoris, qui capitis accusavit <T>rogum; in [a]quo sic est: 'auspicio orande sed in templo auspiciis. dum aut ad praetorem aut ad consulem mittas auspicium petitem, comiteum praetores vocet ad te, et eum de muris vocet praeco; id imperare <o>portet. comit<in>em ad privati ianuam et in arcem mittas, ubi can[n]at. collegam roges ut comitia edicat de rostris et argentarii tabe<r>nas occludant. patres censeant exqu<a>eras et adesde iubeas; magistratus censea<n>t ex<qua>era<s>, consules praetores tribunosque plebis collegasque <t>uos [et] in templo adesde iubeas [h]om[i]nes; ac cum mittas, contionem a<d>voces («О том, что обычно он (глашатай) отправлялся вокруг стен, чтобы завлечь народ в то <место>, где он мог бы созвать на сходку не только [под руководством] консулов и цензоров, но также и квесторов, свидетельствует древний Комментарий о расследовании квестора Мания Сергия, сына Мания, который обвинил в уголовном преступлении <T>рога; в нем говорится так: Ты займешься ауспичиями [квестор] и произведешь их в освященном месте, затем ты пошлешь претору или консулу сообщение о них; претор вызовет ответчика к тебе в народное собрание, на которое глашатай будет созывать с [городских] стен; следует [ему] это приказать. Ты пошлешь трубача к воротам дома частного лица и на акрополь, откуда он протрубит [сигнал]. Ты потребуешь от коллеги, чтобы он объявил о собрании и чтобы аргентарии закрыли [свои меняльные] лавки. Пусть выскажут свое мнение отцы-[сенаторы], а ты испроси и предложи присутствовать; пусть выскажут свое мнение магистраты, консулы, преторы и плебейские трибуны и твои коллеги, а ты испроси и в освященном месте предложи всем присутствовать; когда ты будешь готов, то созови сходку».* Пер. А.А. Павлова).

³⁴ *Фролов Р.М.* Типология *contiones* Римской Республики // Государство. Общество. Религия. Проблемы всемирной истории. Ярославль, 2007. С. 28.

тия решений народом была двухступенчатой, и на судебные конции собирал его квестор, а затем на комициях председательствовал уже высший магистрат.

Поскольку для эпизода со Спурием Кассием и Дионисий, и Ливий сообщают о наличии другой версии его осуждения (отцом Кассия: либо в рамках *patria potestas*, по Ливию, либо посредством сенатского решения, по Дионисию), то К. Латте и Д. Клауд сомневались в историчности сообщения³⁵. Латте отмечал, что версия об участии квесторов исходит от Кальпурния Пизона, которому она казалась «более соответствующей достоинству государства». Клауд при этом полагал, что элемент правды в традиции есть, но неисторично упоминание о роли квесторов в осуждении Кассия. Мы полагаем, основываясь на приведенных выше рассуждениях, что квесторы созывали судебную сходку, а не комиции, поэтому публично-правовым нормам никакого несоответствия нет, а возможность наказания со стороны отца не влияет на реконструкцию полномочий квесторов в судебной сфере (ибо Дионисий и Ливий, предлагая и альтернативную версию, эти полномочия не ставили под сомнение).

Второй случай относится к 459 г. до н. э. и отражен только у Ливия. Согласно его повествованию, квесторы Авл Корнелий и Квинт Сервилий привлекли к суду Марка Вольсция за то, что тот явно лжесвидетельствовал против Цезона (Liv. III. 24. 3)³⁶. Голосование по этому поводу произошло – из-за противодействия квесторам плебейских трибунов – уже при диктатуре Луция Квинкция Цинцинната (Liv. III. 24. 7, 29. 6). Интересно, что Марку Вольсцию предлагали – при подозрении Цезона в преступлении – предъявить частное обвинение (Liv. III. 24. 5)³⁷, но он этого не сделал (Liv. III. 24. 6: *cum ad iudicium ire non auderet*), возможно, опасаясь проиграть процесс, и в таком случае уже сам мог подвергнуться судебному преследованию³⁸.

Данный сюжет также вызывал сомнения в историчности информации³⁹. Поводом для таких сомнений стало указание римского историка

³⁵ Latte K. The Origin... P. 26; Cloud J.D. Parricidium... P. 25; Idem. Motivation... P. 99–100.

³⁶ A. Cornelius et Q. Servilius quaestores M. Uolscio, quod falsus haud dubie testis in Caesonem exstitisset, diem dixerant. Поскольку *diem dicere* буквально означает «назначить день», то речь идет не о праве вызова квесторами на суд народа.

³⁷ *nec iis temporibus in quae testis crimen coniecisset Caesonem Romae uisum, adfirmantibus qui una meruerant secum eum tum frequentemque ad signa sine ullo comaeatu fuisse. nisi ita esset multi priuatim ferebant Uolscio iudicem.*

³⁸ См.: Бодянская Н.Е., Чистяков Г.П. Комментарии // Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989. Примеч. 48–49. С. 529.

³⁹ См.: Cloud D. Motivation... P. 103.

на то, что Вольский подвергся – в качестве наказания – изгнанию. В. Кункель считал это летописной фантазией, потому что по Законам XII таблиц, подтвердившим существовавшую практику, за лжесвидетельство сбрасывали с Тарпейской скалы. Д. Клауд к этому добавлял, что удалиться Вольский мог до осуждения народом, а не после этого. Наши возражения против такой аргументации негативной оценки достоверности приведенных сведений обусловлены тем, что, во-первых, ситуация все-таки относится ко времени до принятия Законов XII таблиц, поэтому зафиксированной письменно нормы еще не было, а во-вторых, даже Цицерон отмечал в примерах, относящихся к ранней Республике, осуждение комициями к изгнанию (*Dom.* 86).

Третий случай связан с Марком Фурием Камиллом и датируется исследователями либо 396 г., либо 391 г. до н. э. Согласно сообщению Плиния Старшего (*NH.* XXXIV. 13: *Camillo inter crimina obiecti Spurii Carvilius quaestor, ostia quod aërata haberet in domo*), Камилл обвинялся квестором Спурием Карвилием в растрате, в числе доказательств преступления было указание на бронзовые двери в его доме. Эта информация перекликается с сообщениями Цицерона (*Dom.* 86) и Плутарха (*Cam.* 12. 1), но нет уверенности в идентичности ситуации: у Цицерона не сказано, кто именно осуществлял судебное преследование Камилла, а у Плутарха названо другое имя обвинителя – Луций Апулей и не отмечено, какую должность он занимал.

Данный сюжет подвергался сомнению в историчности традиции специфическим образом. С одной стороны, исследователи подчеркивали связь обвинения со стороны квесторов с их казначейскими функциями, что, по мнению историков, подтверждало достоверность фабулы⁴⁰. Однако сомнения были относительно роли обвинителя для квестора в отношении Камилла из-за того, что имеется сюжет и об обвинении Камилла плебейским трибуном. Д. Клауд воспроизводит мнение редакторов одного из изданий «Естественной истории» Плиния, что квестор Карвилиий был свидетелем судебного преследования Камилла, упомянутого у Ливия под 391 г. до н. э. (V. 32. 8–9), в котором обвинитель – плебейский трибун, Л. Апулей (это имя названо и у Плутарха), а суд – из-за вейской добычи. Изгнание Камилла рассматривается в историографии как выдумка традиции, привнесенная в нее Квинтом Эннием, чтобы объяснить поражение на р. Аллии длительным отсутствием Камилла⁴¹. Однако, как пишет Клауд, «правдивость деталей судебного преследования», нарисованных в связи с этим его якобы изгнанием,

⁴⁰ Ibid. P. 104–105.

⁴¹ Дементьева В.В. Марк Фурий Камилл: древний портрет полководца в современной реставрации // ААе. 2007. Вып. 2. С. 125.

«является совсем другим вопросом». Согласимся, что реконструкция факта биографии полководца и реконструкция публично-правовых механизмов архаического Рима – вещи разные: в данном случае важно уже то, что античные авторы считали вполне допустимым обвинение в уголовном преступлении со стороны квестора.

Последний по времени случай участия квесторов в судебном преследовании содержится в цитированном выше фрагменте Варрона (*LL. VI. 90–91*). Квестор М. Сергий осуществлял судебное преследование Трога, созывая *contio*. Сюжет не датирован, возможны только косвенные датировки: множественное число слова «претор» заставляет относить это событие ко времени не ранее чем 242 г. до н. э., а лингвистические особенности документа – скорее к первой половине II столетия до н. э.⁴² Из сведений Варрона невозможно установить, в чем именно обвинялся Трог; возможно, считает Клауд, Трог был обвинен в краже денег в казначействе⁴³, но это лишь допущение произвольного характера.

Итак, все случаи конкретных примеров участия «просто квесторов» в делах криминальной юстиции относятся не к убийствам, а к иным, хотя и серьезным, преступлениям. Все три датированных случая относятся к ранней Республике, до начала IV в. до н. э. включительно.

Из проанализированных источников (при внимательном осмыслении предложенных концепций и учете исследовательских достижений) можно сделать следующие выводы. Паррицидные квесторы, возникшие в царский период и сохранившиеся в ранней Республике, действовали в рамках магистратско-комициального процесса, носившего публично-правовой характер и базировавшегося на праве провокации. Паррицидные квесторы были включены в куриатный закон об империи республиканских магистратов как помощники высших должностных лиц в сфере криминальной юстиции. Судя по всему, после этого (с переходом к Республике) компетенция квесторов стала распространяться на преследование не только убийц, но и других преступников, совершивших тяжкие преступления, поэтому в названии их должности было опущено указание на «отцеубийство» (понимавшееся еще с царского времени расширительно как «убийство гражданина»). Как соотносились с данными должностными лицами эрарные квесторы – вопрос отдельный и требует специального рассмотрения.

Главными функциями квесторов, занятых в уголовно-правовой сфере, были следственные действия в отношении лиц, совершивших преднамеренное убийство, а впоследствии и любое тяжкое преступление (за которое полагалась смертная казнь), и созыв судебной сходки (*contio*),

⁴² Latte K. The Origin... P. 27.

⁴³ Claud D. Motivation... P. 105.

на базе которой затем происходило упорядочение народа по центуриям для голосования в комициях. На сходке граждан квесторы выступали в роли обвинителей (а не на самих комициях, на которых высший магистрат лишь ставил вопрос на голосование). Кроме основных функций, квесторы, участвующие в уголовном преследовании, исполняли приговор (наказание граждан), надзирали за содержанием под стражей. В компетенцию квесторов входили все дела, как неполитического, так и политического свойства, включая те, которые можно определить как «преступления против государства». Для последних в случае, когда преступника застигали на месте преступления, могли вводиться дуумвиры, в задачу которых входило упрощенное следствие, обвинение и наказание преступника.

В целом, на наш взгляд, функции квесторов архаического Рима в рамках криминальной юстиции включали в себя досудебное разбирательство (следствие), участие в судебном разбирательстве в качестве обвинителя на созванной ими сходке и в исполнении наказания граждан, которым был вынесен приговор за тяжкие преступления.

FUNCTIONS OF QUAESTORS OF ARCHAIC ROME IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. V. Dement'eva

There were two main functions of quaestors, engaged in criminal law field: 1. holding the investigation of murders and subsequently of any capital crime; 2. convocation of judiciary *contio*, turning into *comitia*. Quaestors appeared in *contio* (not *comitia*) as prosecutors. Besides performing the main functions, quaestors, participating in criminal investigation, also took part in executing the sentence, supervised the custody. Quaestors' terms of reference covered all cases, non-political as well as political, including *perduellio*. For the latter, in case when a criminal was caught in *flagrante delicto*, *duumviri* could be introduced to simplify investigation, accusation and punishment.